

ЕВДОКИЯ ЛОПУХИНА

Алексей Варганов

Евдокия Лопухина была дочерью стольника Илариона Авраамовича Лопухина, происходившего из старого боярского рода. Она стала первой женой Петра I. Их бракосочетание состоялось 21 января 1689 года. В этот же день отец Евдокии Иларион принял новое имя — Федор. Дочь его, став царицей, именовалась уже Евдокией Федоровной.

18 февраля 1690 года Евдокия разрешилась первенцем — царевичем Алексеем Петровичем. Обрадованный Петр через неделю после появления сына дал великолепный фейерверк на Пресне.

Три-четыре года брака Петра и Евдокии прошли в мире и благополучии. Но вскоре Анна Монц завладела сердцем царя.

Занятый государственным преобразованием, Петр уехал за границу.

В 1696 году, перед отъездом, он решил расстаться с Евдокией. Из Лондона писал к боярам Льву Кирилловичу Нарышкину и Тихону Никитичу Стрешневу, чтобы они «сманили» ее добровольно постричься в монастырь.

Через два года, 25 августа 1698 года, Петр возвратился из путешествия. В день своего приезда он не отслужил благодарственный молебен в Успенском соборе о благополучном возвращении, а успел побывать в некоторых домах предместий Москвы, навестил и семью Монц в немецкой слободе. Ночевать же уехал в свое село Преображенское.

Царь не захел навестить свою законную супругу Евдокию Федоровну и повидать сына. Мало того — более всего поразило московскую аристократию, что Петр приказал своим приближенным уговорить царицу удалиться из Москвы и постричься в монастырь. Царица не согласилась.

Согласно некоторым сведениям, 31 августа, в Москве, в доме почтмейстера Виниуса, царь Петр наедине беседовал с Евдокией в течение четырех часов, тщетно убеждая ее принять постриг в ближайшем монастыре. Как видно из дела, Евдокия от пострига в монастырь снова

Евдокия Федоровна Лопухина

отказалась. И все же 25 сентября она была насильно сослана в суздальский Покровский монастырь, «под начало игумении», оставив на воспитание тетке — царевне Наталье Алексеевне своего восьмилетнего сына — царевича Алексея. В закрытой карете, сопровождаемой небольшой свитой и караулом, Евдокия прибыла в Суздаль вечером 27 сентября 1698 года.

Так царица Евдокия сделалась монахиней суздальского Покровского монастыря старицей Еленой, хотя было ей всего 25 лет.

Спустя полгода после пострига ссыльная царица перестала думать о твердых обетах монастырского общежития, о посте и молитве. Она сбросила свое монастырское, черническое одеяние и возобновила светский образ жизни.

Евдокия устанавливает связи с московскими родственниками, в первую очередь с братом Авраамом Федоровичем Лопухиным, золовкой Марией Алексеевной и с кругами, сочувствующими ей и недовольными новыми реформами Петра.

Связь Москвы с Суздалем первоначально была установлена через крестьянина одной из вотчин Авраама Лопухина Михаила Босого. Исполняя обязанности посыльного, Михаил Босой успевал по несколько раз в год приезжать в Покровский монастырь к Евдокии, доставляя ей всякий раз «московские милости» — по 50 рублей от Марии Алексеевны да разные подарки едой и одеждой, а также особо порученные устные новости о настроениях в Москве.

Чувствуя поддержку своих высокопоставленных родственников и сочувствие довольно большой группы царедворцев, Евдокия приступает к активным действиям. Она уже не довольствуется пределами Суздаля, начинает выезжать в отдаленные монастыри «на богомолье». Так, частыми сделались ее поездки в Сновицкий, Боголюбов Кузьмин монастыри и в Золотниковскую пустынь. Свои поездки Евдокия совершала обычно в закрытой карете.

Вновь поставленный архимандрит суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Досифей располагал ее к себе всевозможными выдумками о чудесах, якобы происходящих от икон и прозорливых снов. Однажды он принес царице две иконы и велел класть перед ними по несколько сот поклонов в день, сообщив, что «слышал от икон голоса, что Евдокия воцарится». Однако, когда проходили все сроки, назначенные «прозорливыми» иконами, и предсказания не исполнялись, Досифей объяснял это грехами покойного отца царицы Федора Лопухина, который будто бы погряз в аду.

В 1710 году для рекрутского набора в Суздаль был прислан Степан Богданович Глебов. Это был уже человек в возрасте, имевший жену Татьяну Васильевну и детей. В Москве у него был свой двор за Пречистенскими воротами, где большее время проживала его семья. Кроме Московского двора у Глебова был двор в Петербурге в Шлезвигской слободе на Адмиралтейской стороне и земельное угодье в 1217 четвертей посева. Безусловно, знавший о пребывании в Покровском монастыре ссыльной царицы, Глебов решил навестить и скрасить ее одиночество. Хранитель духовной жизни Евдокии — протопоп суздальского собора Федор Пустынный не замедлил угодить новому другу — устроить свидание Глебова и Евдокии. После первого и весьма затруднительного в монастырских условиях свидания Глебов начал часто навещать келью царицы в разное время дня, а в дальнейшем и ночи.

Возможность возвышения Евдокии при Московском дворе и воцарение ее сына Алексея многим кружили головы. В связи с этим росла и популярность ссыльной царицы. В суздальский Покровский монастырь началось народное паломничество.

Монахиня Елена величала себя не иначе, как царицей Евдокией, причем имела обыкновение говорить посещающим ее: «Все наше — государство. И государь за мать свою, что воздал стрельцам, ведь вы знаете. А мой сын из пеленок уже вывалился».

Слухи дошли и до жены Глебова Татьяны Васильевны, которая упрекала и мужа и Евдокию в сложившихся между ними отношениях. Видимо, хлопотами жены Глебова и Авраама Лопухина Глебов был отозван по служебной линии из Суздаля в Москву. Надо полагать, что Глебов глубоко надеялся на воцарение Алексея и имел намерение через Евдокию сделать себе карьеру. Но потом сам понял, что его отношения со ссыльной царицей зашли слишком далеко и резко изменил свое поведение. Евдокия же верила в любовь Степана и в своих письмах писала ему: «Забыл скоро меня, кто меня, бедную, с тобою разлучил? Что я твоей жене сделала? Какое ей зло учинила? Чем я вас прогневала? Что ты, душа моя, мне не сказал, чем я жене твоей досадила, а ты жены своей слушал? Для чего, друг мой, меня оставил?..»

Но Глебов уже избегал встреч с Евдокией. Убедившись в его отъезде из Суздаля, Евдокия слала ему письмо за письмом.

В 1715 году Глебов решил навестить ссыльную царицу.

Положение Глебова в это время уже, видимо, значительно пошатнулось, так как Евдокия в своем письме к брату Аврааму просила оказать помощь семье Глебовых.

Связь Глебова с братом царицы была установлена еще ранее, последний же имел близкие отношения с Александром Кикиным. Кикин, в свою очередь, связан был широкой сетью переписки непосредственно с заграницей.

И это только основные вехи, вокруг которых была сплетена густая сеть сообщников и единомышленников антипетровского блока, имевших целью воцарение Алексея Петровича на Российский престол.

На первом же допросе, который проводил сам Петр, царевич назвал своих сообщников и единомышленников. Развернулся страшный процесс «Дело царевича Алексея».

Розыскное дело перекинулось в Суздаль и Ростов, к епископу Досифею. На другой же день, после данных царевичем показаний, по царскому указу из Москвы мчался лейб-гвардии Преображенского полка от бомбардир капитан-поручик Григорий Скорняков-Писарев.

Ловкий сыщик и безжалостный инквизитор Тайной канцелярии Скорняков-Писарев прибыл в Суздаль 10 февраля 1718 года в 10 часов и, не заезжая на воеводский двор, проехал прямо в Покровский монастырь. Был понедельник, в монастыре было тихо. Послушники, отслушав раннюю обедню, совершали трапезу. Пройдя незаметными нижними воротами, Скорняков-Писарев направился прямо к келье царицы и внезапно вошел в нее. Оробевшая Евдокия стояла в «мирском платье, в телогрее и повойнике». Начался повальный обыск. Скорняков бросился к лубяному сундучку, в котором среди светской одежды чернеческого платья не нашел. Когда же он открыл шкатулку и вынул два письма, Евдокия бросилась огнемать их из рук сыщика. Письма оказались свежие, и оба из Москвы. Одно из них от стряпчего Покровского монастыря Михаила Воронина, второе без указания адреса и подписи, написано рукой брата Евдокии — Авраама Лопухина.

Михайло Воронин уведомлял своих братьев, что царевич едет из-за границы в Москву. Из письма видно, что оно, хотя и было адресовано братьям Василию и Ивану Ворониным, которые были служителями Покровского монастыря, предназначалось для сведения Евдокии.

14 февраля Скорняков-Писарев, забрав всех живших в Покровском монастыре стариц, клирошанок и девок, весь церковный причет и некоторых светских, отправился вместе с Евдокией в Москву.

Суздальские «колодники» прибыли в Преображенское 14 февраля и были размещены по разным помещениям «под крепким караулом». В тот же день начался «Суздальский розыск». В каменном застенке, под неумолимой плетью и раскаленным железом, люди выкрикивали новые имена своих сообщников.

19 февраля 1718 года была вызвана к допросу казначея Маремьяна. Болтливая старушка, боясь что-либо скрывать, рассказала все, что знала и слышала, даже то, что не относилось к делу. На этот раз Маремьяна показала: «Да как был для набора солдат Степан Богданов Глебов в Суздале, о нем говорил ключарь Федор Пустынный, чтобы царица его к себе пустила, а я отговаривала дня с два. Прежде своего прихода он прислал два меха песцовых, пару соболей, из которых она сделала себе шапку, и хвостов сорок; и потом многожды к себе пускала днем и по вечерам». Далее, рассказав, как Глебов приходил во время благовещенской заутрени, о выпровождении его за ограду и брани царицы, Маремьяна дополнила: «Да он же, Стефан, хаживал к ней по ночам... мимо нас Стефан проходил, а мы не смели тронуться».

После показания Маремьяны в тот же день лейб-гвардии капитаном Львом Измайловым был арестован Степан Глебов и в кандалах доставлен в Канцелярию тайных дел, а 20 февраля он собственноручно написал: «Как я был в Суздале у набора солдатского тому лет восемь или девять, в то время привел меня в келью к бывшей царице Елене духовник ее Федор Пустынный, а подарок ей через одного духовника прислал я два меха песцовых, да пару соболей, косяк байберека немецкого и пищи посылал. И сошелся с нею в любовь через старицу Капитолину и жил с нею блудно... И после того, тому два года два, приезжал к ней и видел ее...»

Признаваясь в близких отношениях с Евдокией, Глебов твердо и категорически отрицал приписываемое ему участие в побеге царевича Алексея за границу.

Очередь допроса дошла и до царицы Евдокии. Чтобы смягчить свою участь, Евдокия еще с дороги от Суздаля послала повинную царю, в которой, сознавая себя виновною, просила прощения.

Однако при рассмотрении дела на эту повинную не было обращено никакого внимания. 21 февраля Евдокия была доставлена в камеру допроса и пыток. Предъявленные к ней показания Маремьяны и Степана Глебова она подтвердила полностью, а после очередной очной ставки с Глебовым на генеральном дворе дала следующие собственноручные показания: «Февраля, 21 дня, бывшая царица, старица Елена, привезена на Генеральный двор и с Степаном Глебовым на очной ставке сказала, что с ним блудно жила, как он был у рекрутского набору; и в том виновата. Писала своею рукою я, Елена».

22 февраля в Москву был доставлен бывший архимандрит Спасского монастыря епископ Ростовский Досифей, а 23 февраля в соб-

ственноручном письме подал свои следующие показания: «Со Степаном Глебовым у меня крайнего знакомства и любви не бывало». Далее Досифей писал, как Глебов с Евдокией приезжали к нему в Спасский монастырь ночью и велели молебны петь и однажды оставались ужинать. Досифей пытался всю вину свалить на Глебова, выгораживая себя.

27 февраля на церковном соборе с Досифея был снят архиерейский сан. С этого времени во всех актах он назван расстригою Демидкой.

Всего по розыскному суздальскому делу было привлечено 35 человек.

Следствие шло месяц, а 14–16 марта на генеральном дворе «министрами» был вынесен приговор по суздальскому делу. Приговор подписали князь Ромодановский, Борис Шереметев — генерал-фельдмаршал, граф Апраксин, граф Гаврило Головин, Тихон Стрешнев, князь Петр Прозоровский, барон Петр Шафиров, Алексей Салтыков, Василий Салтыков.

Степану Глебову было сказано причинить жестокую смертную казнь, отобрать все имущество на государя, «за сочиненные у него письма к возмущению на его царское величество народа и умыслы на его здравие и на поношение его царского величества имени и ее величества государыни Екатерины Алексеевны... да потому он смертные казни достоин, что с бывшей царицей старицей Еленой жил блудно, о чем они сами винулись».

Смертная казнь была вынесена и епископу Досифею, и ключарю Федору Пустынному.

При следствии в Тайной канцелярии было арестовано и посажено по тюрьмам во Владимире и Суздале 150 человек. Некоторые наказаны кнутом и сосланы в Сибирь.

Бывшая царица — инокиня Елена 20 марта 1718 года была отправлена в Ладужский монастырь.

После смерти Петра I, в царствование Екатерины I, в 1725 году ее по приказу императрицы перевели в Шлиссельбургскую крепость.

Из Шлиссельбургской крепости она была освобождена 1 августа 1727 года, а в сентябре отправилась в Москву, в Новодевичий монастырь, где разместились в новоотстроенных покоях.

9 февраля 1728 года в Верховном Совете Петр II, не садясь на положенное ему место, объявил, что «ее величество, бабушка, была содержана по своему высокому достоинству во всем довольствии».

Добившись под конец своей жизни восстановления своего положения, Евдокия пережила своего мужа Петра I, сына Алексея и даже внука — Петра II. Прожив в довольстве остаток своей жизни в Новодевичьем монастыре около трех лет, она скончалась 27 августа 1731 года на 62-м году жизни.

Подземная тюрьма в приказной избе